

Именно мифология может создавать образы или наполнять новым содержанием существующие мифомодели для манипулирования общественным сознанием. В свою очередь, мифологическое мышление задает тон потреблению как одной из сфер общественных отношений, поэтому становление символического потребления напрямую зависит от трансляции с помощью СМИ определенных мифов. Взаимосвязь современного мифотворчества и символического потребления сегодня представляется достаточно отчетливо, и это дает право говорить, что мифо-мышление необходимо обществу не только как пережиток прошлого и составная часть любого мировоззрения, но и как определенная матрица, закладывающая нравственные ориентиры и моральные ценности.

Примечания

- ¹ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 9.
- ² Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 63.
- ³ Мартишина Н. И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск, 1997. С. 70.
- ⁴ Мартишина Н. И. Указ. соч. С. 71.
- ⁵ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- ⁶ Юнг К. Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 97.
- ⁷ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 733.
- ⁸ Жолдуев С. И., Плотников В. Г. Влияние древних религий на современные корпорации. М., 2006. С. 35.
- ⁹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 59.
- ¹⁰ Ильин В. И. Поведение потребителей. Краткий курс. СПб., 2000. С. 81–83.

УДК 101.1:316

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО: НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. Н. Костина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: kostina2010@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о судьбе национального государства в условиях глобализации. Объектом исследования является диалектика глобального и локального; в качестве предмета анализа выступает политика памяти, рассматриваемая с точки зрения метода сохранения позиций национального государства. **Ключевые слова:** национальное государство, глобальное, локальное, идентичность, коллективная память.

The Dialectics of Global and Local: the Nation State and the Collective Memory within Globalization

Е. Н. Kostina

The article discusses the place of nation state phenomenon in an atmosphere of globalization. The object of analysis is the dialectics of global and local; the subject is historical politics regarded as a nation state's preservation method.

Key words: nation state, global, local, identity, collective memory.

Процесс глобализации не перестает интересовать исследователей в различных областях социально-гуманитарного знания, поскольку изменения, которые повлек за собой этот процесс, носят настолько масштабный характер, что нет, пожалуй, такой сферы общественной жизни,

которая не трансформировалась бы под его влиянием. Не является исключением и феномен национального государства, основы которого также пошатнулись перед лицом глобализации.

Национальное государство (nation state), как его определяют Д. Андерхилл, С. Барретт, является «мифологической и интеллектуальной конструкцией, обладающей высокой степенью убедительности и большой политической силой»¹. Это определение интересно, на наш взгляд, тем, что представляет феномен национального государства как теоретический конструкт, как абстракцию, но в то же время обладающую абсолютно реальной функциональностью: существование национального государства – условие единства и сплоченности нации. Однако все чаще ученые говорят о том, что перед национальным государством – феноменом, объединяющим нацию, народ в единое культурно-историческое целое, в условиях глобализации возникает угроза разрушения.

Так что же происходит в глобализирующемся мире с феноменом национального государства? Какая роль отведена в этом мире коллективной памяти о его прошлом? В самом ли деле эта память превращается в лишнюю, тормозящую движение вперед (в коллективное будущее) элемент? По-

чему память (в любой ее ипостаси – коллективная, социальная, историческая) сегодня – объект пристального внимания не только ученых, но и политиков? Мы не ответим на эти вопросы, не рассмотрев более подробно феномен глобализации, его влияние на общественные процессы, а также точки зрения на характер этого влияния.

Относительно «глобальности глобализации» существуют подчас диаметрально противоположные позиции. Приверженцы так называемой гиперглобалистской позиции (С. Латош, Х. Булл, Дж. Розенау и др.) уверены, что на смену национальному государству приходит новая, «транснациональная» культура, которая формирует новую «наднациональную», космополитическую идентичность. «Прагматически аспект формирования глобального мировоззрения, – пишет по этому поводу Д. Аникин, – состоит в постепенном отказе от национальной формы идентичности, которая становится препятствием на пути повышения эффективности взаимодействия»².

Но какова же тогда новая идентичность? Может ли идентичность в современном мире не быть чем-то устоявшимся, неизменным, данным нам историей? Это – скорее, идентичность как проект. Это – идентичность, лежащая не в пространстве прошлого, а, напротив, смотрящая в будущее, или, что более верно, в пространство возможного. Современный человек может формировать свою идентичность по любому образцу, он может «быть кем угодно» и где угодно: глобализационные процессы – это процессы «сжимания» пространственно-временных границ. Собственно, границ в современном мире практически нет (точнее, их нет символически).

Но разве может идентичность находиться в будущем? Утверждая проективность, возможность идентичности, мы фактически знаменуем ее не-существование, поскольку это утверждение противоречит самой сути феномена идентичности – укорененности в прошлом, ее существованию в форме памяти. Глобальный мир рискует потерять саму суть феномена идентичности. Может быть, глобальному миру она не нужна? Этот вопрос мы оставим пока открытым.

Умеренная позиция по поводу эволюции современной общественной жизни под влиянием глобализации представлена трудами таких исследователей, как Р. Робертсон, П. Бергер, У. Бек и базируется на тезисе о диалектическом единстве процессов глобализации и локализации, о «многоуровневом» характере их взаимосвязи. Единство противоположностей обозначается термином-гибридом «глокализация» (Р. Робертсон). Этот концепт, на наш взгляд, призван подчеркнуть одновременность протекания двух процессов.

Итак, расширив проблему роли и функций национального государства в современном мире до социально-философского горизонта, мы об-

наруживаем, что она – часть относительно новой в социально-философском дискурсе проблемы диалектики «глобального–локального». Но если глобализация – процесс, не нуждающийся в представлении, то понятия «локальное» и «локализация», не столь прочно вошедшие в социально-философский словарь, следует определить.

Одно из наиболее ярких проявлений феномена локального – национальное государство и фундирующая его национальная культура. Государство не может существовать в качестве единого целого, если существует угроза разрушения идентичности его членов, прежде всего, национальной. Это своего рода взаимозависимость: идентичность детерминирована локальным (история государства – моя история), в то же время идентичность – основа существования локального (история государства – история его граждан).

Локализация в современном мире, таким образом, есть не что иное, как ответная реакция, механизм самозащиты государства перед лицом стирания его основ – национально-культурных границ – перед угрозой потери национально-государственной идентичности. Памятные места («места памяти», как сказал П. Нора) и праздники, «исторические законопроекты», вызывающие так много споров, – все это видимые проявления феномена локализации, «удерживания», ускользающего локального в условиях всеобщей, наднациональной истории.

Логическая цепь, таким образом, выстраивается следующая: в условиях глобализации национальное государство вынуждено всяческими способами сохранять свою суверенность, свои национальные и культурные ценности, национальную идентичность – реализовывать процесс локализации. Находящийся под угрозой феномен идентичности (как показали гиперглобалисты), в свою очередь, непосредственным образом связан с коллективной памятью (память – фундамент, на котором выстраивается национальная идентичность). Противостояние нивелированию особенностей локального порождает стремление сохранить память о прошлом, свою память – о своем прошлом, а также определить свое отношение к прошлому других (других государств).

Поэтому не удивительно, что широко обсуждаются вопросы, касающиеся памяти о прошлом (в этой тенденции явно просматривается стремление государства возродить общие воспоминания, ценности и традиции). П. Нора вводит понятие «бум коммеморации», П. Рикер рассматривает феномен «репрезентации нарратива», философы, политологи и социологи исследуют феномены политизации памяти и исторической политики. Много споров, к примеру, вызывают законопроекты, касающиеся отношения государства к тем или иным историческим событиям. В подобных законопроектах на первый план, как правило,

выдвигается категория исторической вины. «Появилась идея вины государств перед народами, – пишет А. Левинсон, – а с ней – идея раскаяния и признания вины. Это – не идея чужой национальной вины, которую искупить можно только мезью. Это – гражданская идея своей вины»³. В ряде стран, например, публичное отрицание Холокоста карается законом; Россия признала свою вину за так называемое «Катынское дело»; в январе 2012 г. Сенатом Франции был поддержан законопроект, вводящий уголовную ответственность за отрицание геноцида армян в Османской империи в период Первой мировой войны.

Все же современную ситуацию с большим основанием можно назвать «памятизацией политики», нежели политизацией памяти, поскольку так мы снимаем исключительно политический контекст, который зачастую трактуется не иначе как насилие над живой памятью. В самом деле, государство как локальность, стремясь сохранить свою основу, национальную идентичность, вынуждено использовать механизмы реконструкции памяти о прошлом⁴. Конфликты, возникающие вследствие реализации той или иной политики памяти, возникают именно потому, что нацио-

нальную память сегодня необходимо вписывать в контекст памяти глобальной (если такая вообще возможна) или, по крайней мере, соотносить свою память с памятью других государств. На этом уровне диалектика глобального и локального проявляет себя наиболее очевидно (национальное государство в условиях глобального мира, обращаясь к коллективной памяти своего народа, реализовывает процесс локализации), представляя в виде борьбы противоположностей на фоне и с целью единства.

Примечания

- ¹ См.: Политика. Толковый словарь. М., 2001. 760 с.
- ² Аникин Д. А. Политика памяти в глобальном мире : предпосылки социально-философского исследования // Уч. зап. Казанского ун-та. 2011. Вып. 153. С. 18.
- ³ Левинсон А. Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3(71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/fu6-pr.html> (дата обращения: 15.12.2012).
- ⁴ Стратегии памяти, действительно, становятся орудием политической борьбы, но эту проблему мы оставим за рамками нашей статьи.

УДК 114; 115.4

ПРОСТРАНСТВО: ФРАКТАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

К. В. Кочелаевская

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: kochelaevskaya21@rambler.ru

Статья посвящена анализу философских, физических и математических представлений о пространстве. Обсуждаются революционные топологические идеи, связанные с феноменом фрактальности, и возникающие при этом гносеологические проблемы; выясняется онтологический смысл феномена фрактальности.

Ключевые слова: пространство, фрактальность, непрерывность, неопределенность, сингулярность, самоподобие.

Space: Fractal Representations

К. V. Kochelaevskaya

The article deals with the philosophical, physical and mathematical concepts of space. The novel topological ideas related with fractality phenomenon are discussed. Ontological meaning of fractality is cleared out.

Key words: space, fractality, continuity, uncertainty, singularity, self-scaling.

Известно, что построение любой онтологии не обходится без пространственных представле-

ний, без этого невозможно описать отношения между существующими в мире объектами. Как основополагающая философская категория «пространство» получало многочисленные философские и естественно-научные интерпретации, однако становление постнеклассической научной парадигмы требует нового осмысления этого фундаментального понятия.

Эволюция представлений о пространстве берет свое начало в античности и связана с великими онтологическими и гносеологическими концепциями. Платон, например, сопоставлял пространство с реальным Ничто, с *не-существующим*, в котором обнаруживается материя чувственно постигаемого мира (диалог «Тимей»)¹. Аристотель заменял категорию «пространства» представлением о «месте» (*τόπος*), которое определял как границу объемлемого и объемлющего тел². Демокрит рассматривал пространство как пустоту (*τόκενόν*), содержащую все подвижные сущности³. Декарт